

УДК 327

От редакции. Публикуем последнюю статью Игоря Фёдоровича Максимычева (1932–2021), над которой ведущий российский германист, главный научный сотрудник Института Европы РАН работал незадолго до ухода из жизни. С учётом состояния, в котором международные отношения находятся год спустя, подходы Игоря Фёдоровича к оценке уроков истории отношений России и Германии и к их новейшей стадии не могут не привлечь своей проницательностью и глубиной.

МОСКВА И БЕРЛИН В МИРЕ, ПОЛНОМ КРИЗИСОВ. *Есть ли будущее у российско-германского тандема?*

© 2022 **МАКСИМЫЧЕВ Игорь Фёдорович***

Доктор политических наук

*Главный научный сотрудник, Институт Европы Российской академии наук
125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3*

**E-mail: ieras@mail.ru*

Поступила в редакцию 03.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Россию и Германию всегда связывали сложные политические и экономические взаимоотношения. Периоды вражды сменяли этапы тесного сотрудничества. Данная статья посвящена анализу исторических перипетий партнерства и столкновений двух государств. В ней раскрыты особенности культурного соприкосновения и гармоничного сочетания национальных характеров двух народов. От Ливонского похода на Русь до Великой Отечественной войны автор рассматривает все крупные события за последние 800 лет, которые затронули судьбы обеих стран. Особое внимание уделено XX веку, в ходе которого Россия и Германия не раз оказывались по разные стороны баррикад. Автор делает вывод, что трагедия совместной российско-германской истории заключается в том, что взаимная дополняемость сторон то и дело прерывалась конфликтами и войнами.

Ключевые слова: Россия, Германия, внешняя политика, двусторонние отношения, дипломатия.

DOI: 10.31857/S0201708322050138

EDN: gnkcaa

Делать прогнозы – дело неблагодарное. Несбывшиеся прорицания ведут по большей части к утрате доверия к их авторам. Это особенно верно для начальных периодов исторических циклов перемен глобального масштаба, один из которых разворачивается на наших глазах. Нарастающая неустойчивость ситуации в целом снижает шансы предсказать с определённой долей вероятности маршрут, по которому направляется мир в ближайшем или более отдалённом будущем. На данный момент невозможно предугадать реальные последствия пандемии коронавируса, не говоря уже об иных массовых заболеваниях, жертвой которых, по оценкам медиков, человечество будет становиться вновь и вновь. Ещё менее надёжными выглядят предположения о характере и сроках неизбежных в складывающихся обстоятельствах фундаментальных сдвигов в обществах тех или иных государств. Ясно лишь, что речь идёт о трансформациях всего политического комплекса – и в области внутренних дел, и в международных отношениях, и в экономической сфере.

Однако вечно откладывать попытки спрогнозировать пути развития ошибочно. Определять свою линию в реалиях возникающего на наших глазах мира необходимо уже сегодня. Нужны хотя бы предварительные прикидки, какими дорогами и далеко в грядущие годы могут зайти драматические сдвиги в глобальном, региональном и местном измерениях. Существенным элементом анализа складывающейся ситуации остаётся выявление преобладающих тенденций эволюции взаимоотношений России с её основными партнёрами (конкурентами) в мире. Абсолютных гарантий надёжности результатов поиска ответов на возникающие в данной связи вопросы никто не даст. Степень их достоверности, действительно, невысока, но она существует. В конце концов точность прогнозов погоды нас также часто расстраивает, но тем не менее мы внимательно прислушиваемся к советам метеорологических служб. К тому же существует неизбывное правило самосбывающихся пророчеств, что также необходимо учитывать. Коронавирус придал несомненное ускорение процессам перемен, начавшимся в мире задолго до пандемии. Нельзя медлить с их осмыслением.

Шрамы прошлого

Если есть на свете страны, самой судьбой предназначенные дополнять друг друга всегда, то это Россия и Германия. У двух государств не только сочетаются их природные и иные ресурсы, не только таланты и профессиональные навыки трудолюбивого населения, но и отсутствуют объективные причины для конфликтов. Гармонируют особенности национального характера жителей обеих стран. Распространённая в России шутовская сентенция «Что русскому хорошо, то немцу смерть» (что изначально относилось в основном к сравнительным способностям двух наций по части алкогольных напитков) отнюдь не отражает пренебрежительного отношения русских к Германии. В более общих российских оценках германского фактора явственно звучат комплиментарные нотки в отношении интеллектуального уровня партнёров. Торговая марка *“Made in Germany”* всегда высоко ценилась в России.

В свою очередь, исполненные почтения отзывы о русских и России не были редкостью в Германии. Как правило, позитивные оценки базировались на глубоком

впечатлении, производимом размерами территории восточного соседа, его военной мощью, трудолюбием, выносливостью и долготерпением населения. Для наглядности немцы часто использовали символический образ «русского медведя», хорошо иллюстрирующий, по их мнению, степень воздействия на окружающий мир могущества, неукротимости и непредсказуемости действий партнёра. Долгое время в Германии преобладало мнение, что особенности российского фактора диктуют желательность избегать ссор с Россией, и что наиболее эффективным средством реализации целей германской политики остаётся согласованное объединение ресурсов обеих держав. Гармоничное совмещение немецкой системности, дисциплины и настойчивости с российским размахом, широтой взглядов и полётом мысли в рамках общего русла развития расценивалось как путь в будущее, устраивавший и русских, и немцев.

К сожалению, немцы часто сбивались с тона в том, что касается способов построения механизмов взаимодействия с Россией. Они не могли (да и не могут) полноценно осознать, что методы принуждения в партнёрстве с Россией не работают. У влиятельной части германских политических элит рано проявилась склонность к предположению, что с учётом независимого курса России на международной арене для Германии может оказаться желательным противодействовать российскому влиянию на европейские дела. Расчёт был на то, что ослабленная Россия станет более сговорчивым партнёром, «другом Германии». От подобных иллюзий оставался лишь один шаг до стратегии установления контроля над предпочтениями великого восточного соседа. И немцы, увы, то и дело в истории предпринимали такой шаг вплоть до силового воздействия на Россию.

Непосредственное соприкосновение обоих народов не заладилось с самого начала. Первые же удостоившиеся внимания летописцев контакты были омрачены германским «натиском на восток», под знаком которого формировалось противостояние Руси и остальной Европы. В 1217 г. папа Римский Гонорий III от имени «цивилизованного мира» поручил рыцарям Тевтонского (то есть Германского) ордена обратить в «истинную веру» славян Восточной Европы. Рыцари с рвением и немалой материальной выгодой для себя принялись огнём и мечом насаждать католичество, не делая различия между язычниками и православными, поработали и тех, и других. Далеко на восток крестоносцам продвинуться не удалось – их остановило на льду Чудского озера новгородское ополчение под водительством Александра Невского (1242 г.).

После Ледового побоища тевтонцы избегали прямого столкновения с Русью. Окончательно полчища захватчиков потерпели поражение в 1410 г. при Грюнвальде, где отличились смоленские полки. Но кровавая эпопея Тевтонского ордена не зря врезалась в народную память. На земле истреблённого славянского племени пруссов появился Кёнигсберг – опорный пункт экспансии, затронувшей не только Восточную Европу. Довольно скоро германская Пруссия пробилась на ведущие позиции в рамках Священной Римской империи германской нации.

Неудачный старт «натиска на восток» расчистил путь к строительству отношений мирного сотрудничества немцев и русских. В результате недвусмысленного провала первого тура тевтонских попыток на первый план вышли альтернативные

возможности. Сказалась закономерность: чем сокрушительней отпор, тем конструктивнее последующее поведение бывшего агрессора. Начавшийся многовековой период плодотворных взаимовыгодных обменов между Русью и конгломератом немецких государств характеризовался, прежде всего, экономической и часто политической заинтересованностью во взаимодействии. Гости из Германии проявляли максимальную активность. Они были в Москве столь многочисленны и предприимчивы, что пригород, где жили прибывавшие на Русь иностранцы, стал называться «немецкая слобода».

Российские императоры взяли за моду жениться на представительницах мелких немецких княжеств. Иногда это приносило пользу для России. Об этом, например, свидетельствуют итоги царствования Екатерины II, до замужества принцессы Ангальт-Цербстской. Именно благодаря ей возник феномен «российских немцев», нашедших в России убежище от религиозных преследований в Германии. В ходе периодически возникавших на континенте военных конфликтов Россия и Пруссия почти никогда не сталкивались напрямую. В начале XIX в. русские армии освобождали Европу от диктатуры Наполеона Бонапарта рука об руку с прусскими и австрийскими войсками. Пруссия воздержалась от поддержки антироссийской Крымской авантюры, затеянной в 1853–1856 гг. Наполеоном III в связке с Англией. Недалёкий племянник корсиканца так и не смог понять, что отныне французское влияние на континенте прямо зависит от степени российской поддержки.

Крымская война на десятилетия отвадила Россию от беспокойств по поводу французских или английских интересов. В 1870 г. изолированную Францию легко одолела Пруссия, учредившая Германский рейх с его заявкой на ведущую роль в Европе. Единая Германия разом опрокинула исторически сложившееся соотношение сил на континенте. На смену традиционному англо-французскому соперничеству пришла нарастающая германская гегемония. Проницательный В.О. Ключевский констатировал на заре прошлого столетия: «В конце XVIII и в начале XIX века в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет после появления Вертера и только одно поколение от Йены¹ этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружьё все народы континентальной Европы»². Неумолчный грохот маршевых барабанов кайзеровской армии оповестил мир, что существующие границы рейха «невыносимо тесны» для немцев и что их страдания, вызванные данным обстоятельством, настоятельно требуют немедленного включения в повестку дня европейской политики предоставления германской нации привилегированного «места под солнцем».

В обстановке предвоенной лихорадки прозвонил колокол по многовековой практике российско-германского сотрудничества в политической и экономической

¹ В 1806 г. в двойном сражении под Йеной и Ауэрштедтом французы наголову разгромили прусскую армию.

² Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. Курс русской истории, часть 1. М., 1987. С. 38.

сферах. На континенте немцы усматривали «новые территории» для экспансии в основном в составе России. Пересмотр европейских границ, как его представляли себе в Берлине, подразумевал в первую голову реанимацию «натиска на восток». Этим объясняется, в частности, тот парадоксальный факт, что в 1914 г. рейх объявил войну России, а не Франции, хотя отношения Берлина с Петербургом были почти родственными. Германию в очередной раз подвела неоправданно высокая самооценка.

Авантюрное решение вести войну на два фронта оказалось одной из главных причин, по которым немцы проиграли Первую мировую. Восточный фронт заставил немцев дробить свои силы. Западное направление оставалось для Берлина основным на протяжении всех военных лет, но в решающие моменты англо-французские войска получали самоотверженную поддержку со стороны своего восточного союзника и потому выдержали германский натиск. Сама же Россия не дождалась от Запада ответной помощи сопоставимой интенсивности и в 1917 г. оказалась вынужденной сложить оружие. Вслед за подписанием продиктованного Германией сепаратного Брестского мира в марте 1918 г. началось отторжение обширных российских территорий в пользу рейха и его вассалов.

По окончании военных действий на Западном фронте в ноябре 1918 г. немцы потеряли территориальные приращения на Востоке так же стремительно, как и приобрели их в период максимального ослабления российской центральной власти. Мало того, они уступили Польше часть Восточной Пруссии («польский коридор», обеспечивавший Варшаве прямой выход к Балтийскому морю). Послаблений немцы не дождались и после участия германских вооружённых формирований в организованном Антантой подавлении революционного брожения в Прибалтике. Подписанный в июне 1919 г. в Версале мирный договор с Германией входит в число самых тяжёлых для проигравшей стороны (своеобразной исторической справедливостью было то, что он во многом копировал логику Брестского диктата). Германские националисты и реваншисты ухватились за возможность опереться на недовольство населения рейха, испытывавшего вполне конкретные экономические лишения вследствие выплаты репараций. Политическое влияние в Германии тех, кто жаждал отомстить за поражение, быстро росло.

Советы же продолжали занимать особую позицию по отношению к Германии и после её капитуляции, надеясь на развитие там революционной ситуации. Москва осудила Версальскую мирную конференцию и отказалась одобрить её результаты. Она продолжала требовать справедливого мира без аннексий и контрибуций.

Капитуляция рейха не означала отказа от планов «восточного похода». Проект был лишь отложен до момента, когда германский военный потенциал будет восстановлен. Захват чужих территорий на востоке продолжал рассматриваться влиятельными немецкими политическими кругами как условие необходимой для процветания рейха германской гегемонии в Европе. В условиях кризиса, последовавшего за капитуляцией, оформилась и окрепла политическая организация, настроенная на территориальные захваты в Европе.

Адольф Гитлер и его национал-социалистская партия использовали гнев и отчаянье германского среднего класса для разжигания расовой и национальной ненави-

сти немцев по отношению к частям населения самой Германии, а также народам соседних стран (в первую голову к славянам). Делая ставку на страх буржуазной Европы перед социализмом, нацисты всеми доступными средствами внушали, что только вооружённая Германия способна прикрыть Запад от расползающейся из России «большевистской заразы». Антисоветизм стал основным инструментом освобождения немцев от «оков Версаля». Блок агрессоров, сколачиваемый Германией, Италией и Японией на базе Антикоминтерновского пакта, угрожал не только интересам СССР. Однако Запад самонадеянно считал, что ему удастся свести дело к взаимоуничтожению Советов и рейха в рамках прямого конфликта между ними.

Растущий международный вес Советского Союза обусловил склонность некоторых немецких политиков к использованию российского фактора в своих подковерных интригах. До назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 г. для части правивших в Берлине кругов центристского и правого толка оставался нечуждым расчёт добиться уступок Запада через угрозу сближения Германии с Красной Россией. Определенную достоверность подобному шантажу придавал реальный опыт сотрудничества кайзеровской Германии с Республикой Советов в течение краткого периода Брестского сепаратного мира, когда большевики приняли к исполнению все заявленные Берлином условия, даже самые неприемлемые. Западные политики стали воспринимать туманный призрак советско-германского альянса как провозвестник самых катастрофических последствий.

Подписанный в 1922 г. Москвой и Берлином Рапалльский договор смертельно напугал Запад, хотя содержание документа исчерпывалось формально взаимным отказом сторон от репараций и иных материальных претензий друг к другу (война, Версаль, революционные преобразования в России сильно усложнили положение в этой сфере). Проломив стену изоляции, которую Франция и Англия тщательно возводили не только вокруг Веймарской республики, но и вокруг Советской России, договор укрепил международные позиции обоих участников. Проникшие в мировую печать неподтверждённые сведения о негласно налаженной между рейхсвером и Красной Армией совместной работе в ряде военных областей, в которых Версаль запрещал Германии любую активность, ввергли Лондон и Париж в состояние паники¹. Тактика устрашения победителей перспективой дружбы с Москвой оказалась весьма удачной для Берлина – ревизия установленных Версальским договором ограничений началась практически сразу же после его подписания.

Антисоветский настрой ведущих держав Запада не менялся ни до, ни после прихода Гитлера к власти в Германии. По вине западных столиц полное прекращение Советским Союзом с 1933 г. военных (и вообще всяких) контактов с немцами не было использовано для своевременного создания антинацистского блока, на котором настаивала Москва. Интеллектуальное падение тогдашних европейских лидеров продемонстрировала их уверенность, что «в случае чего» роль неприступного восточного вала сможет сыграть диктаторская Польша, а от Советского Союза потребуется лишь «не мешать» полякам.

¹ Горлов С.А. Совершенно секретно. Москва – Берлин 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999. С. 321.

В итоге всей предшествовавшей закулисной политики в Европе Москва оказалась в августе 1939 г. перед судьбоносным выбором: практически немедленная война с Германией, готовой «прикончить» в кратчайшие сроки Польшу и гарантировать вермахту исходные позиции в опасной близости к Киеву (с последующей оккупацией Прибалтики для обеспечения выхода на ближние подступы к Ленинграду), или согласие на неожиданное предложение немцев о временном *modus vivendi* с германским «хищником», выпущенным Западом на волю. Трудное решение Москвы в пользу последнего варианта было вызвано вполне обоснованным убеждением в абсолютной ненадёжности каких-либо союзных обязательств Запада, даже если тот пойдёт на подписание соответствующих соглашений с СССР (что само по себе вызывало сильные сомнения).

Не оставалось иного выхода, кроме как рассчитывать только на собственные силы. Между тем в Москве сознавали, что неизбежная война с нацистской Германией станет для Советской России тяжелейшей битвой не на жизнь, а на смерть. Для достижения боевой готовности, которая соответствовала бы критической ситуации, требовалось время. Пакт о ненападении с Германией был не более чем попыткой оттянуть начало войны, отодвинув при этом на определённое расстояние линию будущего фронта от жизненно важных центров СССР. Ничего более эффективного построить не удалось.

Одновременно выяснилось, что Запад не смог договориться с немцами. Его упорные усилия убедить нацистов в «целесообразности» ограничить германскую экспансию исключительно территорией СССР провалились. К августу 1939 г. шансов предотвратить конфликт политическими интригами не осталось. Расплата Запада за годы бездействия и антисоветских настроений оказалась поистине эпической. Последовавшие события показали призрачность надежд на то, что «ссора» с Берлином ограничится малой кровью, после чего последует договорённость с агрессором на приемлемых для Запада условиях. Немцы вновь доказали, что если они и не очень приспособлены к миру, то воевать они умеют.

Советское руководство не сомневалось, что вермахт сможет осуществить свой план скоротечного разгрома Польши. Однако преобладало мнение, что Франция, чьи вооружённые силы прослыли мощным военным инструментом, сможет драться на равных. К тому же «линия Мажино» вдоль границы с Германией считалась неприступной. Вот почему оказался неожиданным для всех ошеломляющий темп германского блицкрига в 1939–1940 гг. Организованное сопротивление польской армии продолжалось чуть дольше двух недель; объединённые англо-французские вооружённые силы побежали почти сразу же после начала боёв (до этого более полугодом длилась «странная война», когда противники неподвижно стояли друг против друга на франко-германской границе); Франция капитулировала через неполные полтора месяца реальных военных действий.

Пора было переходить от бутафорской к настоящей битве за право жить. Однако оказалось, что для материковой Европы делать это было уже слишком поздно. За пределами нацистского господства оставались лишь островная Англия и социалистический Советский Союз. Что было потом, мы знаем. Через несколько лет страшных испытания, в мае 1945 г., Третий рейх под натиском Красной армии пал.

А через 45 лет именно Москва внесла основной вклад в то, что на карте Европы вновь появилась объединённая Германия. Правда, оценено это по достоинству Берлином так и не было.

* * *

Трагедия всей долгой совместной российско-германской истории заключается в том, что взаимная дополняемость сторон то и дело прерывалась конфликтами и войнами. Уже в постсоветское время у России, несмотря на все её искренние усилия, не получилось направить отношения с объединённой Германией в русло прочного стратегического сотрудничества. Членство Германии в НАТО, полувассальная зависимость от США, подспудный реваншизм части правящего класса не позволили это сделать. Но и сегодня у России и Германии в Европе нет более важных для их национальных интересов партнёров, чем они сами. Тем не менее состояние их взаимоотношений не только далеко от желаемого, но и грозит совсем рухнуть в пропасть. При этом не надо забывать, что весь предыдущий ход истории свидетельствует – если немецкие мечи покидали антирусские ножны, то на кону стояла судьба всего континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Максимычев И.Ф. (2019) Берлинский дневник (1989–1992 гг.). Из записок дипломата. РАН, Москва. 287 с.

Максимычев И.Ф. (2019) Возвращение национальной идеи. Европа между трёх океанов: монография. Под общей ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. ИЕ РАН, Москва; Нестор-История, Санкт-Петербург. С. 491–495.

Максимычев И.Ф. (2019) Присоединение. Закат Германской Демократической Республики. Часть первая. *Современная Европа*. № 5. С. 154–165.

Максимычев И.Ф. (2019) Присоединение. Закат Германской Демократической Республики. Часть вторая. *Современная Европа*. № 6. С. 198–209.

Максимычев И.Ф. (2019) Подлётное время. Дальнее эхо обрушения ГДР и контуры подступающих катастроф. Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка. (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко). ФГБУН Ин-т Европы Российской Академии Наук, Ин-т «Справедливый мир». Под ред. Н.Б. Кондратьевой и А.К. Никитина. ИЕ РАН. Ключ-С, Москва. С. 40–63.

Moscow and Berlin in a World Full of Crises. *Is there a Future for the Russian-German Tandem?*

I.F. Maksimychev*

Doctor of Sciences (Politics)

Chief Researcher at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail: ieras@mail.ru**

Abstract. Russia and Germany have always had contradictory relationship throughout history. The periods of hatred were followed by the times of partnership. The article explores historical twists and turns of the bilateral relationship. Attention is paid to the complementary nature of two cultures, potential for harmonization of the coexistence. Mutual respect and understanding characterized most of the interactions throughout the years. The author analyzes the most significant events of the last 800 years, intents and policies that caused them starting with the Livonian campaign against Rus and up to the Second World War. Special attention is given to the XX century during which Germany and Russia were on different sides of the two largest military conflicts in history. The conclusion is drawn that the tragedy of the bilateral relationship is that mutual compatibility of the two countries and cultures was often disrupted by the contradictory interests of the foreign policy.

Key words: Russia, Germany, foreign policy, bilateral relationship, diplomacy.

DOI: 10.31857/S0201708322050138

EDN: gnkcaa

REFERENCES

- Maksimychev I.F. (2019) Berlinskij dnevnik (1989–1992 gg.). Iz zapisok diplomata [Berlin Diary (1989–1992). From the notes of a diplomat]. RAS, Moscow. 287 p. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Vozvrashchenie nacional'noj idei. Evropa mezhdru tryoh okeanov [The return of the national idea. Europe between three oceans]: monografiya. Pod obshchej red. A.I.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. IE RAS, Moscow; Nestor-History, St. Petersburg, pp. 491–495. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Prisoedinenie. Zakat Germanskoj Demokraticeskoj Respubliki. Chast' pervaya [Joining. The decline of the German Democratic Republic. Part one]. *Sovremennaya Evropa*. No 5, pp. 154–165. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Prisoedinenie. Zakat Germanskoj Demokraticeskoj Respubliki. Chast' vtoraya [Joining. The decline of the German Democratic Republic. Part two]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 198–209. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Podlyotnoe vremya. Dal'nee ekho obrusheniya GDR i kontury podstupayushchih katastrof [Flight time. The distant echo of the collapse of the GDR and the contours of incoming disasters]. Social'no-politicheskie riski v usloviyah formirovaniya novogo mirovogo poryadka. (K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Gromyko). FGBUN In-t Evropy Rossijskoj Akademii Nauk, In-t "Spravedlivyj mir". Pod red. N.B. Kondrat'evoj i A.K. Nikitina. IE RAS. Klyuch-S, Moscow, pp. 40–63. (In Russian).